

Дегтярёв А. Я.

Русская правда краткой редакции: к истории рождения

В своих работах 70-х — начала 80-х гг. прошлого века, а также и в более поздних, И. Я. Фроянов наряду со многими другими проблемами основательно, на качественно новом для нашей историографии уровне исследовал отношения княжеской власти со всеми основными слоями населения древнерусского общества. Его концептуальные построения в этой и других областях древнерусской жизни с момента своего появления вызывали разные, подчас предельно острые и полемические оценки. Могущественные оппоненты не гнушались и силовых запретов в отношении неодолимо набиравшего научный авторитет ученого. Отрицательные рецензии на подготовленные к изданию труды ставились во главу угла для принятия административных решений, диссертации подолгу пылились в ВАКе, а положительные мнения многих ученых, включая членов АН СССР, умело замалчивались. Критические, в том числе и подметные письма, посвященные творчеству И. Я. Фроянова, отложились солидным слоем в архивах высоких партийных инстанций, а рабочее время ответственных функционеров, затраченное на их анализ и разбор, не поддается количественной оценке.

После этого краткого вступления, на мой взгляд, вполне уместного в юбилейные дни, я перехожу к непосредственной теме статьи.

* * *

Русская Правда краткой редакции (далее — КрП; ПрП — Русская Правда пространной редакции) не дает исследователям покоя с момента её открытия В.Н. Татищевым и до сего дня. История ее появления в НЛ младшего извода и соотношения с другими главными памятниками древнерусского права до сих пор не имеет сколь-нибудь консолидированного мнения научного сообщества. Восторженные почитатели, некогда объявившие ее древнейшим памятником восточнославянского права, так и не смогли убедить многочисленных скептиков в её седой и первичной древности, а то и в самом факте существования в качестве регулирующего жизнь общества закона.

Этот памятник удостоился внимания практически всех отечественных историков первого ряда. В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, А. А. Зимин и отмечающий юбилей И. Я Фроянов положили много сил на изучение различных аспектов этого древнерусского феномена.

А полемика не утихает. Появляются все новые аргументы за и против. Не так давно в Киеве вышло основательное исследование А. П. Толочко¹. Автор положил немало труда на добросовестное исследование многих исторических,

---

¹ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. К., 2009. 136 с.

историографических, лингвистических, нумизматических и иных исследовательских линий и обстоятельств, связанных с КрП. Вывод его малоутешителен для исследователей, считающих её начальным истоком русского права. Конечный итог таков: «Все новые поколения исследователей отправлялись “ходить по сей грамоте” (т.е. утверждали, что КрП — древнейший памятник русского права — А. Д.). Можно, разумеется, блуждать еще столетие. Но не проще ли вернуться к распутию и еще раз, но уже внимательно, прочитать надпись на камне?»².

А. П. Толочко поставил много вопросов, но некоторые важные обстоятельства ускользнули от его внимательного взгляда. Ниже я привожу интересные, едва ли не впервые в историографии Русской Правды составленные автором сравнительные таблицы.

«Необходимо подчеркнуть, что в данном случае предполагается процесс постепенного и медленного нарастания текста в течение длительного времени и в результате деятельности, вероятно, многочисленных и несогласованных интерполяторов. Именно таков общепринятый образ возникновения ПрП из изначального ядра, представленного в КрП. Хотя в некоторых случаях полная перестройка текстов, в том числе и юридических, действительно может быть продемонстрирована, она оказывается результатом сознательных и одновременных усилий одного автора (притом, осознающего своё авторство).

Предыдущая историография, как кажется, наметила для развития *Правды* первый из наших сценариев. Предполагая в первых восемнадцати статьях («Древнейшая правда») грамоту Ярослава, а в последующих — дополнения, сделанные его сыновьями («Правда Ярославичей»), к которым ещё позже Владимир Мономах добавит свой «устав», молчаливо признают, что текст *Правды* должен был нарастать последовательными пластами, подобно тому, как откладываются археологические или геологические пласты. Так ли это?

Таблица 1: Структурное соотношение между текстами КрП и ПрП

КрП	ПрП
1	1
2	29
2	30
3	25
4	23
5	27
6	27
7	28
8	X
9	24
10	31
11	32
12	33
13	34
14	35
15	47
16	38
17	65

² Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской... С. 113.

18	2
18	X
19	1
19	3
20	3
21	40
22	11
22	12
23	X
24	13
25	14
26	16
27	17
28	45
29	38
30	29
31	41
32	75
33	78
34	72
35	79
36	81
37	81
38	40
39	82
40	42
41	X
42	9
42	10
43	97

Как становится очевидно из табл. 1, ни один из сценариев, похоже, не имел места в нашем случае. Изначальная последовательность статей КрП оказывается совершенно разрушенной, и они распределены по тексту ПрП абсолютно произвольным образом. Никакой системы в таком распределении установить не удаётся и никакой внятной логики за таким раскладом не угадывается. Для того, чтобы объяснить подобное распределение, нам придётся предположить необычные сценарии: либо никакой логики в тексте КрП и не было изначально, а редакторы ПрП это знали и позволяли себе импровизировать; либо сами эти редакторы не руководствовались логикой при переработке текста КрП в ПрП и не преследовали никакого последовательного плана.

Приходится предположить, что КрП не могла послужить основой для создания ПрП, во всяком случае, КрП, как мы её знаем и в пределах нормальных практик средневековых писцов. Не случайно В.И. Сергеевич был вынужден признать:

“Мы не имеем возможности следить за порядком составления списка второй [т.е. ПрП — А.Т.] редакции. За исключением четырёх статей (17, 20, 21, 41), он включает в себе все статьи списков первой фамилии [т.е. КрП — А.Т.], но в крайне перебитом порядке, и чем он тут руководствовался, это остаётся для нас совершенно неясным”.

Необходимо, следовательно, рассмотреть противоположную возможность — могла ли ПрП стать основой для КрП? Тут нас ожидает ещё один сюрприз.

Таблица 2: Структурное соотношение между текстами ПрП и КрП

КрП	ПрП			
19	1			18
18	2			19
19	3			20
20	3			21
	4			22
	5		4	23
	6		9	24
	7		3	25
	8			26
42	9		5	27
42	10		6	27
22	11		7	28
22	12		2	29
24	13		30	29
25	14		2	30
26	16		10	31
27	17		11	32
			12	33
			13	34
14	35		15	47
	36		17	65
	37		34	72
16	38		32	75
29	38		33	78
	38		35	79
	39		36	81
21	40		37	81
38	40		39	82
31	41		43	97
40	42		8	X
	43		18	X
	44		23	X
28	45		41	X
	46			

Как видно из табл. 2, предположив, что движение текстов происходило в обратном направлении, то есть от ПрП в КрП, мы сталкиваемся с таким же совершенно случайным распределением статей ПрП по тексту КрП, не обнаруживающим системы. Это тем более удивительно, что на этот случай у нас есть замечательный контрольный пример в виде *Сокращённой* правды, действительного сокращения текста ПрП. Как демонстрирует любая таблица соотношения текстов (и исследователи не стыдятся их публиковать), *Сокращённая* правда следует изначальному расположению и последовательности статей своего оригинала.

Никакого осмысленного текстологического отношения между двумя текстами на

основании сопоставительных таблиц установить не удаётся. Приходится, следовательно, заключить, что два текста вообще не родственны и никак не связаны между собой. Этот очевидно напрашивающийся вывод, однако, принять невозможно, ибо, если не структурно, то содержательно КрП и ПрП всё-таки обнаруживают родство, а, значит, тексты так или иначе, но взаимодействовали. Оба заключения корректны, но несовместимы. Это может означать, что некое существенное звено головоломки отсутствует. Будучи найдено и поставлено на положенное ему место, оно сделает всю картину осмысленной»³.

А. П. Толочко довольно точно назвал составленный им табличный ребус головоломкой с отсутствующим звеном.

На наш взгляд, поиск этого звена лежит за пределами правового или текстологического поля. Он кроется в военных и политических событиях времени создания КрП. Их начало надо искать в тяжелейшем поражении объединенных сил Изяслава, Святослава и Всеволода в битве на Альте. Киевский люд, чувствуя опасность, нависшую над Русской землей, потребовал, собравшись на вече, чтобы князь-пораженец Изяслав раздал оружие горожанам и освободил из заточения полоцкого князя Всеслава. Такая «сцепка» вечевых требований прямо говорила об опасностях, которые грозили Изяславу при выполнении требований киевлян.

Князь отказался их удовлетворить. Тогда, по образному выражению И. Я Фроянова, последовал «взрыв 1068 г.». «Волнения в Киеве 1068 г. с избытком показали, на что способны “людьє кыивстии”. Князь и дружина оказались перед ними беспомощны. “Кыяне” прогнали Изяслава, разорили и разграбили его “двор”, провозгласили новым князем киевским Всеслава полоцкого»⁴.

В эти же дни подвергся народной опале и воевода Коснячко. Сначала на него начали «говорить», потом пошли «ко двору», Коснячки там не оказалось (он попросту сбежал), но что произошло с «двором», можно представить по летописному свидетельству о разграблении «двора» Изяслава.

Киевская верхушка была в эти дни в отчаянном положении. Военное поражение дополнилось стихией киевского свержения и разора. Видимо, именно в эти дни и родилась КрП. Она появилась в ходе или сразу после буйных киевских событий. В этой связи становится понятным состав «учредителей» — Изяслав, Всеволод, Святослав, пострадавший Коснячко, Перенег, Микифор Кыянин, Чудин Микула. КрП родилась в условиях военной угрозы и внутреннего мятежа. Впоследствии Россия не раз получала в подарок от судьбы подобную смертельную схему.

Вернемся теперь к таблице, составленной А. П. Толочко. Он не нашел в ней смысла. «Никакого осмысленного текстологического отношения между двумя текстами на основании сопоставительных таблиц установить не удастся»⁵.

Однако ключ к таблицам есть. Он, правда, лежит не в области текстологии, а в тогдашней бурной киевской действительности. Правда, если признать, что он открывает дверцу за старым ковром отечественной истории, КрП теряет свой утвердившийся за века статус древнейшего памятника нашего права.

³ Там же. С. 42–45.

⁴ Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 604–605.

⁵ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской... С. 45.

Стихия, точнее, пожар киевского восстания охватили, конечно, не только дворы нескольких богачей. Она, наверняка, бушевала в городе и окрестностях. Пытаясь остановить ее, вышеперечисленная киевская знать именно в эти бурные дни и создала КрП. Всё делалось в спешке. Отсюда и многие грамматические и смысловые несообразности в ряде статей, систематизированные А. П. Толочко⁶.

Из 43 статей КрП 40 связаны с убийствами, причинением телесных увечий, разбоем, захватом собственности, отказом от возвращения долга и тому подобными вещами. Это выборка уголовных статей из Пространной правды, имеющая несколько дополнений, рожденных конкретными коллизиями киевских событий (например, о наказаниях за вырванный ус или клочок бороды). А три последних статьи, на наш взгляд, связаны с обслуживанием этого «уголовного кодекса». В 41-й статье фигурируют мечник и некто «задержавший вора», в 42-й вирник, у которого, как предполагалось, работы будет очень много. 43-я статья — урок мостникам — на первый взгляд выглядит чужеродной в этом «уголовном кодексе». Но, скорее всего, положение в городе, разрушения и пожары создали для мастеров-плотников большой фронт работ. Поэтому они и появились (последними) в нашем памятнике.

КрП появилась в драматический момент русской истории. Она должна была защитить не только знать, но и всех киевлян от разбоя и мародерства. Разъяснять в тех условиях Пространную правду, выбирать из нее статьи, связанные с ситуацией, было делом безнадежным. «Выжимка» уголовных статей, о которой должны были возвещать на каждом углу и устраивать по ней скорый суд — в этом был смысл создания документа. Фактически это был закон о чрезвычайном положении.

Такое понимание процесса рождения КрП исчерпывающе объясняет и ее т.н. «денежную систему», загнавшую в тупик поколения ученых, включая и А. П. Толочко. «КрП содержит нечто настолько странное, что все попытки объяснить это как часть нормального порядка вещей обречены на неудачу. Манера, в которой автор считает деньги, не «архаична», но настолько своеобразна, что не совпадает ни с одной денежной системой, будь то XI, XII или XIV в.»⁷

Ошибка автора в том, что он исходит «из нормального порядка вещей», которого не было в Киеве в 1068 году. А был нервный и быстротекущий процесс определения штрафов за наказания составителями КрП. Отсюда несообразности, ошибки, резаны вместо кун и гигантские, изумлявшие М. Н. Тихомирова, гонорары вирникам.

Сыграла ли КрП предназначенную ей роль? Скорее всего, нет. Для ставшего киевским князем Всеслава это был абсолютно неприемлемый политический документ его врагов. Через какое-то время, утихомирившись, киевляне стали жить и судить по обстоятельной Пространной Правде.

А Краткая Правда практически сразу, по точному выражению А. П. Толочко, не до конца, правда, понявшего причины явления, стала исторической и правовой «окаменелостью». Её участие в реальной жизни если и было, то составило всего несколько дней. Поэтому скромное, если не сказать больше, присут-

⁶ Там же. С. 89–91.

⁷ Там же. С. 35.

стве КрП в древнерусских памятниках становится вполне понятным и объяснимым.

Краткая Правда это, в первую очередь, — не памятник права, а памятник древнерусской политической и социальной истории.

* * *

В Краткой Правде, помимо её главной загадки — загадки происхождения, есть и другие, частные, но тоже требующие истолкований.

Так, в ст. 3 Краткой Правды, вдвое расширенной по сравнению со ст. 25 ПрП (и это можно толковать, как следствие стихии, разгулявшейся на киевских улицах) — «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конец» — большинство исследователей видели главный смысл в попытке ограничения действия частной мести местом совершения преступления⁸. Некоторые ее аспекты рождали определенные сомнения и вопросы и потому явились предметом углубленной проработки. Так, Л. Гетц и Н. А. Максимейко сосредоточили свое внимание на вопросе о том, кому идет 12-гривенное вознаграждение.⁹ Многих смущало резкое повышение платы «за обиду» в ст. 3 по сравнению с предыдущей, поэтому в комментариях встречается целый ряд объяснений, например, наличие «свады»¹⁰.

А. И. Соболевский вообще считал эту статью «не имеющей смысла», искиженной при каких-то сокращениях. Его не без основания настораживала неуклюжая синтаксическая конструкция во второй части статьи — «Аще сего не постигнут, то платити ему, то ту конец».¹¹

А. А. Зимин объяснял резко повышенный по сравнению со ст. 2 штраф «за нанесение оскорбления указанными предметами тем, что в феодальном обществе причинение подобного оскорбления считалось наиболее позорным». Здесь он склонялся к точке зрения С. В. Ведрова и Н. А. Максимейко¹², считая, что законодатель на первое место ставил интересы потерпевшего, а не княжеской власти, использующей высокий штраф для достижения своих целей. Однако пострадавший из ст. 2 («кровав или синь надъражен»), который вполне мог

---

⁸ Эверс И. Ф. Древнейшее русское право. СПб., 1835. С. 322–323, 350; Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 15; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1899. Вып. 1. Прим. 7, 8.

⁹ Goetz L. Das Russische Recht (Русская Правда). Vol. 1. Stuttgart, 1912. P. 80; Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. С. 27, 29.

¹⁰ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 1. С. 150–151; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Прим. 7, 8.

¹¹ Соболевский А. И. Две редакции Русской Правды // Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916. С. 20.

¹² Ведров С. В. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1876. Кн. 1. С. 110–111; Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1. С. 27, 29, 161–161.

быть доведен до такого состояния и одним из предметов, перечисленных в ст. 3, получал «за обиду» лишь 3 гривны. Ключ к пониманию различия, думается, нужно искать в обстановке, в которой происходят преступления. Преступление, предусмотренное ст. 2, совершается в неопределяемом никакими (даже косвенными) намеками месте, после чего «кровав муж» — и по Пространной Правде и по Сокращенной — «приходит на двор» и не ищет «видока». В ст. 3 дело обстоит несколько иначе — набор перечисленных в ней предметов дает основания для определения места конфликта, разбор которого она регламентирует.

В этой связи определенным шагом вперед явился комментарий к ст. 3 в новейшем издании Русской Правды, выполненном под общей редакцией В.Л. Янина¹³. Присоединившись к распространенной точке зрения о том, что «важен не столько удар, сколько обида им нанесенная», автор комментария Т. Е. Новицкая справедливо отметила, что местом совершения преступлений, предусмотренных ст. 3, чаще всего являлись пиры — об этом выразительно говорит набор орудий преступления.

Концовка статьи, имеющаяся только в КрП, по мнению комментатора, «вызывает определенные сомнения», так как слова «то ту конец» не несут смысловой нагрузки. «Впрочем, — добавляет комментатор, — они могут подчеркивать стремление княжеской власти быстро прекращать распри, возникавшие в результате частых ссор»¹⁴. Полагаем, что княжеская власть пыталась не только быстро прекращать подобные распри, но стремилась пресечь их с помощью высшего штрафа «за обиду».

Пиры, по мнению многих исследователей, были в социальной жизни Древнерусского государства важным и заметным институтом. В.В. Мавродин считал их отчетливо осознанным средством сплочения дружины, поддержания княжеского авторитета¹⁵. Д.С. Лихачев видел в пирах «форму постоянного общения князя и дружины, форму совещаний»¹⁶. С этим согласился Б.А. Рыбаков, нашедший в них еще и форму «реального общения князя, его огнищан и воевод с широкой массой разнородного люда»¹⁷. И.Я. Фрояновым показано широкое распространение пиров не только в эпоху Владимира I, на которой обычно сосредоточивалось внимание изучавших эту важную реалию Древней Руси, но и в XI–XII вв., когда «летописи пестрят сообщениями о княжеских пирах»¹⁸.

Итак, перед нами весьма распространенный и важный общественный институт, который не мог быть обойден законодателем при формировании свода древнейших законов. Некоторые исследователи справедливо увидели обстановку дружинного пира в комментируемой статье. Набор перечисленных в ней предметов — орудий нанесения ударов, весьма красноречив. Среди них есть «чаша» и «рог» — неперемненные принадлежности пиршественного стола,

¹³ Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 323–324, 335–336.

¹⁶ Лихачев Д. С. «Эпическое время» русских былин // Академику Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия. М., 1952. С. 58.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 61.

¹⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 146–149.

«пясть» пирующего, «жерди» ближних оград, «батоги», имевшиеся в любом дворе, и, наконец, «тылесные» — тупая часть оружия, которым располагал всякий дружинник.

Поводов и причин для возникновения ссор и оскорбительных обид, нанесенных с помощью упомянутых предметов, наверняка возникало предостаточно (пирующего бывало многие сотни, а празднества подчас продолжались по неделе и больше)¹⁹.

Возникавшие на пирах конфликты, если бы они не разрешались быстро и строго, могли не только влиять, но и в случае разрастания и срывать достижения княжеских целей, которые И.Я. Фроянов видит еще и в том, чтобы посредством пира «заручиться расположением и поддержкой масс населения»²⁰, не говоря уж о подобных намерениях в отношении собственной дружины, в которую ссора на пиру могла внести ненужный князю раскол. Именно эту цель должна была преследовать строгая и высокая мера наказания за «обиду» — 12 гривен, удивлявшая Н. Ланге и М. Ф. Владимирского-Буданова²¹.

Второе необходимое условие эффективного пресечения мешавших князю коллизий — это оперативность в рассмотрении дела и наказании виновного. Однако в условиях пира, а тем более уличных стычек во время восстания, это не всегда могло быть достигнуто (виновный из-за разноречивых, а часто и прямо противоположных показаний не мог быть выявлен). Более того, весьма часто княжеская власть по тем или иным причинам могла быть не заинтересована в непременно выявлении и наказании обидчика, если, например, им был авторитетный дружинник. В этом случае разноречивость показаний, неясность обстоятельств конфликта бывали на руку князю, он имел возможность использовать их в предусмотренном законом порядке для прекращения дела.

Полагаем, что вторая часть статьи как раз и отражала подобное правоположение. А.И. Соболевский не то с сожалением, не то с раздражением писал когда-то, что конец ст. 3 не несет никакой смысловой нагрузки.²² Большинство же других исследователей, не смущаясь синтаксической нелепостью, видели в клаузуле «аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конец» неудачную погоню обиженного за обидчиком (не догнав, он получал 12 гривен и дело кончалось). Но как раз подобные погони, чреватые бесконтрольным и бурным разрастанием конфликта, и должны были, если исходить из княжеского интереса, в первую очередь пресекаться!

Исходя из этого вряд ли можно истолковывать вторую часть разбираемой статьи, присутствующую только в КрП, как допущение развития конфликта путем погони, да еще с участием (если учесть, что глагол «постигнуть» употреблен во множественном числе) третьих лиц. На наш взгляд, вторая часть статьи была посвящена пресечению того рода «обид», виновников которых не удавалось быстро и однозначно выявить, и изначальный текст ее несколько отличался

¹⁹ Один из пиров, устроенных Владимиром в 996 году, продолжался восемь дней (см.: ПВЛ. Ч. 1. М., 1950. С. 85).

²⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1979. С. 149.

²¹ Ланге Н. Исследования об уголовном праве Русской Правды. С. 150; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Прим. 7.

²² Соболевский А. И. Две редакции Русской Правды. С. 20.

от дошедшего до нас — место первого «то» в ней, видимо, занимал термин «кто».

Термин «кто» обычен для Краткой Правды. Он присутствует в ст. 1 — «аще не будет кто мстя», ст. 3 — «Аще ли кто кого ударит батогом», ст. 9 — «Оже ли кто вынезь мечь», ст. 12 — «Аще кто поедет на чюжем коне», ст. 13 — «Аще поиметь кто чюжь конь», ст. 14 — «Аще кто челядин пояти хочеть», т.е. в доброй трети статей. Позднее, возможно, уже в одном из самых первых списков на его месте в последней клаузуле ст. 3 появляется частица «то».

Природа этой ошибки понятна и объяснима. В статьях Правды часто встречается синтаксическая конструкция «Аще (оже, или)... то...». Она четырежды (! — А. Д.) употреблена в ст. 1, четырежды (! — А. Д.) в ст. 2, дважды присутствует в ст. 10, 14, 18, один раз в ст. 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 17. В общей сложности указанная конструкция в разных вариантах встречается в 18 статьях Краткой Правды 26 раз! Без всякого сомнения, она может быть признана генеральной синтаксической конструкцией нашего памятника.

Переписчик (или даже составитель) КрП всем ходом своей работы — предварительным знакомством с памятником, работой над первыми двумя статьями, когда он при их копировании восемь раз повторил эту конструкцию, был подготовлен к тому, чтобы увидеть отмеченный оборот даже там, где его не было, но находилась похожая фраза, в результате ошибки и возникла синтаксически неправильная утяжеленная фраза — «аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конец».

Для истолкования второй части статьи ключевое значение имеет глагол «постигнуть». Всеми комментаторами он переводится как «догонят», «настигнут». Других мнений не высказывалось. Между тем ни один исследователь не обратил внимания на то, что глагол этот употреблен во множественном (! — А. Д.) числе. То есть, если допустить, что речь идет о погоне за обидчиком, то участвует в ней уже не только один обиженный, а, по крайней мере, несколько человек! Но такое допущение вряд ли верно. Во всех других статьях, касаясь похожих положений, законодатель точно формулирует норму и всегда ведет речь только о действиях пострадавшего и употребляет в той связи единственное число («оже ли себе не может мстити» и др.).

В целом в Краткой Правде глаголы во множественном числе употреблены лишь в трех статьях. В ст. 17 мы, видимо, имеем дело с ошибкой («где его налезуть ударенный той муж»). В ст. 11 употребление множественного числа логично и обоснованно — «а его (сбежавшего челядина) за три дни не *выведут*, а *познают* и в третий день, то изымати ему свой челядин». Речь здесь идет о действиях многих субъектов права, способствующих или, наоборот, препятствующих возвращению челядина к хозяину. Когда же речь доходит до истца, употребляется единственное число.

Отметим попутно, что и в ст. 17 и в ст. 11 речь идет о челяди, по отношению к которой в древнерусском обществе действовали совсем другие обычаи, нежели по отношению к «свободным мужам».

Третье употребление множественного числа произведено законодателем в разбираемой нами ст. 3. Думается, что и в данном случае множественное число употреблено не случайно, если считать, что законодатель ведет речь не об огра-

ничении права личной мести местом совершения преступления, а о выяснении обстоятельств возникшего конфликта, в котором участвуют многие субъекты права, свидетели происшедшего. А смысл термина «постигнуть» в этой статье, на наш взгляд, равнозначен термину «познаютъ» ст. 11, т. е. «выяснят», «определят». Такое толкование вполне допустимо. Глагол «постигнуть» в древнерусском языке имел около десяти значений, и одним из самых распространенных было его употребление в значении «понять» (см., например, в памятнике XI века — «не может ум члчъ постигнута»)²³. О частом употреблении глагола в этом значении свидетельствует и возникновение отглагольного существительного «постигъ» (ср. «подвигнуть» — «подвиг») в значении «понимание»²⁴.

Вполне допускает и подтверждает предлагаемое толкование и употребление термина «сего» для определения объекта права, о котором идет речь в разбираемой клаузуле. Здесь, на наш взгляд, употреблен родительный падеж термина «се» (в значении «то, что произошло»), а не винительный падеж местоимения «сей» (сей человек, т. е. обидчик).

Термин «се» не раз встречается в Русской Правде (ст. 42 — «А се поклон вирный», ст. 43 — «А се урок мостников»). Термин «сей», напротив, не употребляется. Отметим дополнительно, что для определения обидчика гораздо более естественным явилось бы употребление широко используемого составителем термина «его».

Полагаем, что с учетом приведенного разбора реконструированная ст. 3 должна читаться следующим образом:

«Аще ли кто кого ударит батоном, любо жердью, любо пястью или чаею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, кто платити ему, то ту конецъ».

В целом статья была направлена — и высокой платой «за обиду», декларированной в первой части, и выраженным стремлением к быстрому прекращению конфликтов, зафиксированному во второй части статьи, появившейся в КрП, — не только и не столько на защиту чести «свободных мужей», сколько на защиту политических интересов княжеской власти в условиях чрезвычайного положения.

В логической (с точки зрения исследования текста) связке со ст. 3 стоят также и особенности ст. 6. — «Если нога останется цела а начнет хромать, тогда чадъ смирать.»

М. Н. Тихомиров был абсолютно прав, соглашаясь с мнением А. И. Соболевского и утверждая, что в статье присутствует «несомненный пропуск». Действительно, невозможно представить себе, что законодатель, высоко оценив искалеченную в ссоре руку (40 гривен) делает в отношении серьезно поврежденной ноги неожиданное и ничем неоправданное заключение о «смирении» чад. Скорее всего, такое смирение предполагалось в ситуации, сходной со ст. 3 — «аще ли сего не постигнут, кто платити ему». То есть пропуск, на котором настаивал М. Н. Тихомиров, несомненно, имел место и с учетом этого статья о повре-

²³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. С. 1262.

²⁴ Там же. С. 1263.

ждении конечностей была, возможно, одной из самых больших. Ею устанавливался высокий штраф за повреждение конечностей и оговаривались условия, при которых этот штраф либо выплачивался, либо нет.

Это частные наблюдения. А в заключение стоит еще раз отметить, что Русская Правда, все её разновидности и редакции — выдающийся памятник отечественной истории. Его исследование будет продолжаться долго и принесет еще немало открытий.

Источники и литература:

1. *Goetz L.* Das Russische Recht (Русская Правда). Vol. 1. Stuttgart, 1912.
2. *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1.
3. *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.
4. *Ведров С. В.* О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1876. Кн. 1.
5. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1899. Вып. 1.
6. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984.
7. *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Спб., 1859. Кн. 1.
8. *Лихачев Д. С.* «Эпическое время» русских былин // Академику Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия. М., 1952.
9. *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
10. *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1.
11. ПВЛ. Ч. 1. М., 1950.
12. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
13. *Соболевский А.И.* Две редакции Русской Правды // Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916.
14. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895. Т. 2.
15. *Толочко А.П.* Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. 136 с. (Ruthenica.Supplementum 1).
16. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
17. *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. М., 2001.
18. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1979.
19. *Эверс И. Ф.* Древнейшее русское право. Спб., 1835.